

rocket**book**

Говард ЛАВКРАФТ

Хребты безумия

Pocket book. Эксмо

Говард Лавкрафт

Хребты безумия

«ЭКСМО»

1921-1931

УДК 821.111-312.2(73)

ББК 84(7Сое)-44

Лавкрафт Г. Ф.

Хребты безумия / Г. Ф. Лавкрафт — «Эксмо»,
1921-1931 — (Pocket book. Эксмо)

ISBN 978-5-04-202296-8

Говард Филлипс Лавкрафт совершил революцию в литературе ужаса, сместив центр ее внимания с обычного земного мира на огромную, неизвестную, безразличную вселенную, существующую за пределами человеческого понимания. Писатель взял обычный мир и привнес в него нечто темное и потустороннее. В своих рассказах Лавкрафт смешал обыденную действительность и вселенский кошмар, показал столкновение простого человека с непостижимыми, а порой и смертельно опасными созданиями. В сборник включена повесть «Хребты безумия», а также избранные рассказы одного из самых влиятельных мифотворцев XX века.

УДК 821.111-312.2(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-202296-8

© Лавкрафт Г. Ф., 1921-1931

© Эксмо, 1921-1931

Содержание

Безмянный город	6
Гипнос	13
Праздник	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Говард Филлипс Лавкрафт

Хребты безумия

- © Брилова Л., перевод на русский язык, 2023
- © Володарская Л., перевод на русский язык. Наследник, 2023
- © Дорогокупля В., перевод на русский язык, 2023
- © Чарный В., перевод на русский язык, 2023 (Белая птица)
- © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023 (Pocket book)

Безымянный город

Приближаясь к безымянному городу, я ощущал проклятие, тяготевшее над ним. Путь вел меня через выжженную долину, полную ужасов, и в свете луны я увидел, как зловеще он вздымался над песками, словно труп, наспех присыпанный землей. Страхом сочлились обветшалые, вековечные стены этого свидетеля потопа и пращура старейшей из пирамид, и незримая аура толкала меня прочь, призывая отступить от древних и гибельных тайн, которые не дозволено видеть смертным и завесу которых ни один из них не отважился приподнять.

В отдаленной части Аравийской пустыни лежит этот город без имени, рассыпаясь в прах, и молчат его стены, почти скрытые песками бесчисленных веков. Он был здесь еще до того, как заложили Мемфис, до того, как в печах обжигали кирпичи Вавилона. Нет легенды столь древней, что сохранила бы его настоящее имя, неоткуда узнать, кипела ли в нем жизнь, но чей-то шепот у ночного костра, бормотание старух в шатрах шейхов могли поведать, что ни одно из племен пустыни не смело приблизиться к нему, и никто не знал почему. Этот город видел во сне поэт-безумец, Абдул Альхазред, прежде чем сложил загадочные строки:

Не мертво то, что в вечности покой
Сумело обрести, со сменой эпох поправши
саму смерть.

Мне следовало бы догадаться, что арабы не зря сторонятся этого места, живущего в преданиях, но не виденного никем из живущих, но я, отринув все предрассудки, пустился к цели неторной дорогой, оседлав верблюда. Лишь я один узрел его, лишь на моем лице отпечатался весь ужас, что открылся мне, и меня одного бросает в дрожь, едва ночной ветер стучится в окно. Приблизившись к нему, я ощутил его взгляд из пугающих глубин бесконечного сна, лучом луны оледенивший мое сердце в этой жаркой пустыне. Окинув его взглядом, я позабыл о всякой радости, свойственной первооткрывателю, и спешил с верблюда, решив войти в город на заре.

Тянулись часы, наконец небо на востоке посерело, поблекли звезды, и горизонт зарозовел, зазолотился. Завыл ветер, взметнув песок над древними камнями, хотя на небе не было ни облака, и бескрайние дюны были бестревожны. Внезапно над краем пустыни вознеслось слепящее солнце, видневшееся сквозь песчаную бурю, уносившуюся за горизонт, и я, дрожа, словно объятый лихорадкой, услышал мелодичный лязг металла из далеких глубин, приветствовавший огненный диск, как колоссы Мемнона с берегов Нила. В ушах звенело, и в смятении, охватившем меня, я медленно правил верблюдом сквозь пески, приближаясь к безмолвному городу, который из всех живущих видел лишь я один.

Скитаясь меж бесформенных руин, я не мог отыскать ни единого барельефа, ни одной надписи, что поведала бы мне о людях – людях ли? – что возвели эти стены и жили здесь так давно. Мне становилось не по себе от того, насколько древним было все вокруг, и я тщился обнаружить хоть какой-то признак того, что город действительно был создан силами людей. Сами пропорции зданий, черты их вселяли в меня тревогу. Я взял с собой немало инструментов и принялся за раскопки, но продвигался крайне медленно, не обнаружив ничего стоящего. Когда спустилась ночь и взошла луна, я ощутил дуновение ледяного ветра, и страх погнал меня прочь из развалин. Когда я покидал пределы древних стен, песчаный вихрь забурился за моими плечами, танцуя на серых камнях, хотя пустыня вокруг была спокойной, и сияла луна.

Вереница кошмарных снов мучила меня до самого пробуждения, когда на заре я вновь услышал тот металлический звук. Я увидел, как лучи красного солнца пронизали песчаный вихрь, рассеявшийся над стенами города, заметив, что пустыня вокруг была по-прежнему

спокойна. Снова я отправился к руинам, мрачно гнездившимся среди песка, словно великан-людоед в укывище, и снова мои поиски реликвий забытой расы не принесли плода. В полдень я прекратил раскопки, а затем принялся отмечать направления стен и улиц, очертания исчезнувших зданий. Некогда город этот был в самом деле велик, и я гадал о природе подобного величия. Воображение мое создавало картины времен, что изгладились даже из памяти халдеев, я вспоминал Проклятый Сарнат в земле Мнар на заре человечества, вспоминал Иб, высеченный из серого камня до прихода людей.

В своих исканиях я с радостью обнаружил место, где каменное ложе подобием скалы возносилось над песком, обещая мне доступ к тайнам допотопной расы. На возвышении этом я безошибочно различал приземистые каменные дома или сооружения культа, залы которых еще могли хранить следы бесследно минувших эпох, когда все, что когда-то украшало стены снаружи, исчезло под натиском песка и ветров.

Слишком узки, почти скрыты песками были темные провалы рядом со мной, но мне удалось расчистить один из них при помощи заступа и протиснуться в него, освещая путь к ожидавшим меня тайнам при помощи факела. Оказавшись внутри, я понял, что здание, куда я проник, было храмом, и стены его носили знаки, оставленные расой, населявшей город до того, как пустыня стала пустыней. Здесь были примитивные алтари, колонны и ниши, все необычно низкие, и хоть я не заметил ни скульптур, ни фресок, множество камней помечали символы, высеченные чьей-то рукой. Потолок был настолько низким, что я с трудом стоял на коленях, но зал был настолько большим, что свет моего факела не достигал его края. Добравшись до отдаленных уголков его, я содрогнулся: некоторые из алтарей и символов намекали на позабытые, отвратительные, необъяснимые ритуалы, и я задумывался о природе людей, создавших этот храм и проводивших их. Осмотрев все помещение, я выполз наружу, воодушевленный тем, что могли скрывать другие подобные храмы.

Близилась ночь, но увиденное пробудило во мне любопытство, пересилившее страх, и я не бежал от длинных теней, смутивших мой разум в свете луны, когда я впервые увидел безымянный город. В сумерках я расчистил другой завал, и с новым факелом пробрался внутрь, вновь увидев неясные символы на камнях, мало чем отличавшиеся от тех, что я видел в предыдущем храме. Зала была столь же низкой, но намного меньше, и заканчивалась очень узким проходом, уставленным загадочными алтарями. Я осматривал их, когда вой ветра и крик верблюда снаружи нарушили тишину, понудив разузнать, что могло испугать животное.

Ярким лунным светом были залиты руины безыскусных строений и плотное облако песка, взметнувшееся с порывистым, но уже ослабевающим ветром над одним из холмов передо мной.

Я знал, что верблюда встревожил этот холодный ветер, и хотел уже увести его в укрытие, когда заметил, что ветер над холмом вдруг совершенно стих. Это поразило и испугало меня, но я немедленно вспомнил о столь же внезапно возникавших песчаных бурях, увиденных мной на восходе, заключив, что для здешних мест это обыденное явление. Я решил, что ветер дул из расщелины, что вела в пещеру, и осмотрел песок, чтобы проследить его направление, определив, что он исходил из храма к югу от меня, едва различимого. Я побрел к нему, сражаясь с песчаным ветром, и он становился все ближе, возвышаясь над окружающими строениями, а вход в него был не так сильно занесен спекшимся песком. Сразу войти я не сумел – ледяной ветер необычайной силы едва не погасил мой факел. Этот загадочный поток все струился наружу, яростным дыханием взметая песок, разбрасывая его над причудливыми руинами. Вскоре он ослаб, и песок осыпался, и вновь настала тишина, но что-то таилось меж призрачных камней, и когда я взглянул на луну, казалось, она трепетала, словно в отражении встревоженных вод. Беспочинный страх овладел мной, но жажда знаний была сильнее, и едва утих ветер, я устремился навстречу породившей его черной расщелине.

Снаружи этот храм выглядел больше всех, что я уже обыскал, вероятно, он был высечен в пещере, раз вход в него нес ветер из подземных глубин. Здесь я мог стоять в полный рост, но жертвенники и алтари были все такими же низкими. На стенах и под потолком я впервые увидел следы изобразительного искусства древней расы, причудливо выющиеся мазки, почти истершиеся в прах, а на двух алтарях со все нарастающим волнением обнаружил прихотливо сплетенный резной узор. В свете моего факела крыша имела слишком правильный вид, вряд ли природа ее была естественной, и я дивился искусству доисторических камнетесов. Их мастерство было неоспоримо.

Следующая яркая вспышка моего чудесного путеводного огня указала мне столь желанный путь в исторгавшие ветер глубины, и я предательски ослаб, увидев, что то была рукотворная дверь, врезанная в скалу. Я осветил себе путь, уводивший вниз по крохотным, крутым ступеням. Они всегда являются мне в моих снах, эти ступени – я постиг их назначение. Тогда они даже не казались мне ступенями – лишь слабой опорой для ног на крутом спуске. Мой разум одолевали безумные мысли, слова и предостережения арабских прорицателей будто бы неслись над пустыней из ведомых людям земель в землю, на которую никто из них не осмеливался ступить. Всего лишь миг, и сомнения мои отступили, и я, миновав портал, начал осторожно спускаться по крутым ступеням лестницы.

Только в ужасных наркотических грезах или умопомрачении мог кому-либо привидеться подобный спуск. Узкий проход, которому не было конца, вел меня вниз, словно на дно ужасного призрачного колодца, и свет факела над моей головой не достигал глубин, навстречу которым я шел. Я потерял счет времени, забыв свериться с часами, и ужаснулся, осознав, сколь долгим был мой спуск. Ступени меняли направление и крутизну, наконец я достиг узкого прямого прохода, держа факел над головой и ощупывая камни пола ступнями. Здесь нельзя было встать даже на колени. Затем я снова почувствовал крутизну бесчисленных ступеней под ногами, когда слабеющее пламя моего факела наконец угасло. Когда я заметил это, я все еще держал его над головой, как если бы он все еще горел. Мне не давал покоя инстинкт искателя необычного и неизвестного, тот, что заставил меня скитаться по земле, в ее далеких, древних, запретных уголках.

Во тьме мне виделись фрагменты желанного сокровища, дьявольского знания, изречения безумного араба Альхазреда, вселяющие ужас апокрифические сочинения Дамаския, печально известные строки из немислимого «Образа Мира» Готье де Меца. Я вновь и вновь цитировал их, бормоча об Афрасиабе и демонах, плывших с ним по течению Окса, вновь и вновь нараспев читал одну и ту же строчку из лорда Дансени: «Безответная чернота бездны». Когда спуск стал почти что отвесным, я начал напевать что-то из Томаса Мора, пока не устрасился собственных слов:

О бездна черных волн, о мрак,
Что полнится, как ведьмы варевом,
Полночным зельем в лунном зареве,
Склонясь над ней, искал для переправы сил,
На самом горизонте мглы я зрил
Блестящий, будто из стекла, причал,
Вознесшийся над пеленою вод,
Там смертный трон, покрытый скверной, тьму
венчал,
Исторгнут бездной, нечестивый плод.

Казалось, время перестало существовать, когда под ногами я вновь ощутил ровный пол, оказавшись в помещении, где потолок был чуть выше, чем в двух храмах где-то невообра-

зимо далеко наверху. Стоять в полный рост я не мог, лишь ползти на коленях, и так, окруженный тьмой, я двигался неизвестно куда. Скоро я понял, что попал в узкий проход, в нишах стен которого стояли ящики из полированного дерева и стекла. Эти находки в подобном месте эпохи палеозоя вселяли ужас, и я содрогнулся. Ящики эти были горизонтально расставлены с равными промежутками, имели продолговатую форму, и омерзительным образом походили на гробы. Пытаясь сдвинуть два-три из них с места, чтобы осмотреть тщательнее, я обнаружил, что они надежно закреплены.

Проход казался длинным, и я устремился вперед, и то, как я двигался во мраке, ужаснуло бы любого наблюдателя: ползком, от стены к стене, ощупывая их и эти ящики, чтобы убедиться, что я держусь намеченного пути. Я уже привык ориентироваться при помощи осязания, почти забыв о тьме вокруг, и чувства рисовали мне бесконечный ряд из дерева и стекла так живо, как если бы я видел его. А затем, в единый миг смятения, я увидел.

Не могу сказать, когда мои видения слились с реальностью, но я приближался к источнику неведомого подземного свечения и различал смутные очертания прохода и ящиков. Все выглядело так, как я и представлял, пока свечение было слабым, но стоило ему усилиться, как я понял, насколько слабым было мое воображение. Зала эта была не грубым реликварием прошлого, как храмы там, наверху, но памятником неопишуемой, необычайной искусности. Насыщенные, словно живые, фантастически смелые узоры и картины сплетались в сеть настенной росписи, которую нельзя было описать словами. Ящики из необычного золотистого дерева с крышками прозрачного стекла заключали в себе мумифицированных существ, чей облик превосходил самые безумные видения.

Доподлинно передать то, как выглядели эти твари, невозможно. Они походили на ящеров, и в то же время в очертаниях тел угадывалось и что-то от крокодилов, что-то тюленье, и то, с чем не приходилось встречаться ни одному из палеонтологов. Размерами они приближались к человеку небольшого роста, конечности венчали подобия ступней с подобными человеческим пальцами. Но причудливей всего были их головы, нарушавшие все известные законы природы. Сравнить их было не с чем – в один миг я вспомнил черепа кошек, лягушек, мифических сатиров и людские. У самого Зевса не было такого колоссального, мощного лба, а рога, отсутствие носа и челюсти аллигатора ставили их обладателей вне всяческих классификаций. Я некоторое время сомневался в подлинности мумий, подозревая, что то были искусно сделанные идолы, но вскоре решил, что это в самом деле некий вид эпохи палеогена, когда в городе еще теплилась жизнь. Их нелепый облик еще сильнее подчеркивали дорогие одежды на некоторых телах, затейливо украшенные золотом, камнями и неизвестными сверкающими металлами.

Эти пресмыкающиеся твари, должно быть, значили очень много для тех, кто сотворил эти ошеломляющие фрески и роспись на стенах и потолке. С непревзойденным мастерством художник отразил мир их городов и садов, где все было создано для их удобства, и я не мог отвязаться от мысли, что картины их жизни были аллегорией, иносказательно повествующей о развитии той расы, что поклонялась им. Я убеждал себя в том, что эти создания были для них тем же, чем волчица для римлян или тотемное животное для индейского племени.

Передо мной предстала поразительная история безымянного города, история могучей метрополии на морском берегу, владычествовавшей над миром до того, как из океанских вод поднялся африканский континент, о времени невзгод, наставшем, когда море ушло и плодородная долина превратилась в пустыню. Я видел победоносные войны, поражения и бедствия и, наконец, ужасную борьбу с пустыней, когда тысячи жителей города, здесь изображенных в виде рептилий, были вынуждены невероятным образом пробиваться сквозь земную твердь навстречу новому миру, о котором гласили пророчества. Все это выглядело настолько же невероятно, насколько было правдоподобным, и несомненной была связь этой повести с моим умопомрачительным спуском в эти глубины. На фресках я частично узнавал проход, который преодолел.

Продолжая двигаться ползком навстречу свечению, я осматривал картины заката той эпохи – исход расы, что десять миллионов лет царил в безмянном городе и долине, расы, чей дух был надломлен, исторгнутый из той колыбели, что знали их тела, куда они пришли на заре земных лет, высекая в девственных скалах эти святыни, которые никогда не переставали чтить. Свет становился ярче, и теперь я мог пристально изучать фрески, памятуя о том, что эти немислимые рептилии изображали неизвестную расу людей, и подумать над обычаями тех, кто населял безмянный город. Многие казалось мне загадочным, необъяснимым. Цивилизация, владевшая письменной речью, достигла больших высот, нежели неизмеримо более поздние Египет и Халдея, но на полотнах ее жизни загадочным образом отсутствовали некоторые подробности. Я не мог найти ни сюжетов о смерти от естественных причин, ни о погребальных ритуалах, за исключением посвященных войнам, насилию и болезням, и не мог понять причины, стоявшей за подобными недомолвками. Видимо, взлелеянная идея иллюзорной вечной жизни служила вдохновением этим художникам прошлого.

Близился конец прохода, и попадавшие мне фрески становились все более насыщенными и изощренными, основываясь на контрасте меж опустевшим безмянным городом, превращавшимся в руины, и новой обетованной землей в подземных глубинах, к которой раса проложила этот путь. На них город в пустынной долине был залит лунным светом, над павшими стенами сиял ее золотой нимб, приоткрывая непревзойденное величие минувших времен, изображенное призрачным, ускользящим. Сцены новой, райской жизни, диковинность которых граничила с неправдоподобием, запечатлели потаенный мир вечного дня, чудесных городов, холмов и долин неземной красоты. Увидев последнюю фреску, я подумал, что искусство перестало служить ее создателю. В манере живописца сквозил недостаток мастерства, а то, что он запечатлел, было несравнимо даже с самыми невероятными из ранних работ. То была летопись упадка древнего народа, в своем изгнании ожесточившегося против верхнего мира. Телесный упадок людей, изображенных в виде священных рептилий, все нарастал, но дух их расы, витавший над пустынными руинами в свете луны, становился сильнее. Истощенные жрецы, представленные рептилиями в вычурных одеяниях, слали проклятия земному воздуху наверху и всем, кто им дышал, а одна из последних, чудовищных сцен изображала примитивного вида человека, быть может, выходца из древнего Ирема, Города Колонн, разорванного на части существами старшей расы. Я вспоминал, как боятся арабы безмянного города, и был рад тому, что на этом сюжете роспись на стенах и потолке оборвалась.

Наблюдая страницы истории на этих стенах, я почти добрался до конца этой залы с низким потолком, и увидел врата, из которых исходило свечение. Подобравшись еще ближе, я закричал от изумления – настолько ошеломительным было зрелище, открывшееся мне. Не освещенные залы лежали передо мной, нет, то была единая, бескрайняя сияющая бездна, подобная морю облаков в лучах солнца, что может открыться тому, кто покорил вершину Эвереста. За моей спиной остался проход столь тесный, что я едва мог передвигаться ползком, а впереди лежал необъятный подземный сверкающий океан.

Вниз в эту бездну вела еще одна крутая лестница, подобная тем, по которым я уже спускался, но на глубине в несколько футов я уже не мог ничего разглядеть за мерцающей дымкой. По левую руку от меня была массивная, необычайно толстая дверь из бронзы, украшенная фантастическими барельефами, закрыв которую можно было отрезать весь этот подземный мир света от склепов и проходов, проложенных в скале. Еще раз взглянув на ступени, я не отважился идти по ним дальше. Коснувшись двери, я не сдвинул ее и на волос. Тогда я опустился на каменный пол: смертельная усталость одолевала меня, но даже она не могла унять мой бурлящий ум, полный самых невероятных предположений.

Так я лежал, закрыв глаза, предоставленный собственным мыслям, и многое из увиденного на фресках обретало новый, ужасный смысл – сцены, изображавшие безмянный город в дни его славы, зелень долины вокруг, далекие земли, куда ходили с караванами его купцы.

Аллегорические образы ползучих тварей не давали мне покоя, ведь их образы присутствовали на каждой из важнейших страниц истории, и я не мог понять почему. Безумный город изображался так, словно был создан для рептилий. Я думал над тем, каковы были его настоящие размеры и как велик он был, и над загадками его руин, в которых побывал. Любопытным было то, что и храмы, и их коридоры были настолько низкими, и, без сомнений, те, кто создал их, подобным образом чтили богоподобных пресмыкающихся, передвигаясь в них так же, как и рептилии. Видимо, самая суть религиозных отправления состояла в этой имитации. Но ни одна из теорий не объясняла того, почему и проходы меж залами были столь низкими, ведь там совершенно нельзя было выпрямиться. Страх вновь овладел мной, едва я вспомнил отвратительные мумии, что были совсем рядом. Разум порой рождает занятные ассоциации, и я задрожал при одной мысли о том, что помимо несчастного, разорванного на куски на той последней фреске, среди всех реликвий и следов доисторической эпохи лишь я один был человеком.

Но, по обыкновению, страх, гнездившийся в моем мятежном естестве, сменился любопытностью: сияющая бездна и то, что могло таиться в ней, было вызовом, достойным величайшего исследователя. Я не сомневался в том, что крутые ступени вели в мир загадок и тайн, и надеялся найти там памятники, созданные рукой человека, которые тщетно искал в темных проходах. Их стены украшали картины невероятных городов и долин здесь, в подземелье, и воображение уже рисовало мне картины колоссального великолепия руин, ожидавших там, внизу.

На самом деле, боялся я не будущего, а прошлого. Даже все кошмары моего пути ползком среди мертвых рептилий и допотопных фресок, на глубине многих миль под известным мне миром, приведшего меня в иной мир, мир туманного, призрачного света, не могли сравниться со смертным ужасом, что внушал мне древний дух этого места. Древний столь неизмеримо, что, казалось, им пропитаны были эти камни, эти храмы безумного города, свидетеля времен океанов и континентов, забытых человечеством, но невероятным образом сохранившихся на стенах, где порой мелькали смутно знакомые очертания. О том, что случилось со времен написания последнего из этих полотен, после краха презиравшей смерть расы, не мог поведать никто из людей. В этих кавернах и в сверкающей подо мной пучине некогда бурлила жизнь, теперь же я был один среди памятников прошлого, и я дрожал при мысли о том, сколько бесчисленных веков они несли здесь свою безмолвную стражу.

Внезапно я вновь был сражен вспышкой ужаса, подобной тому, что объял меня при первом взгляде на смертную пустынную долину и безумный город под холодной луной, и невзирая на изнеможение, я резко поднялся с пола, уставившись на черный туннель, уводивший наверх, к внешнему миру. Мной овладело то же предчувствие, как и в те ночи, когда я избегал городских стен, необъяснимое, не дававшее мне покоя. Мгновением позже я пережил еще большее потрясение, отчетливо услышав звук, нарушивший абсолютную, гробовую тишину, царившую в этих глубинах. Раздался стон, глубокий, гулкий, словно голос сонмища обреченных душ, исходивший оттуда, куда был устремлен мой взгляд. Он становился все громче, жутким эхом отзываясь в узких туннелях, и я ощутил нарастающий поток холодного воздуха, вероятно, струившегося из туннелей, что вели в город наверху. Его дуновение освежило меня, и я немедленно вспомнил о бурях, что поднимались над зевом подземной бездны, стоило солнцу закатиться или взойти над горизонтом, ведь именно этот ветер открыл мне тайну этих туннелей. Взглянув на часы, я понял, что близился рассвет, и приготовился выдержать ураганный натиск ветра, что стремился обратно, чтобы вечером вновь вырваться наружу. Страх мой приутился – явления природы развеяли мрачные мысли о неизведанном.

Все неистовее становился ночной ветер, струясь навстречу земным глубинам. Я пал ничком, вцепившись в дверь, из страха быть сметенным в сияющую бездну. Однако ветер был столь силен, что я и в самом деле мог сорваться в пропасть, и в воображении моем теснились все новые ужасные картины. Натиск разъяренной стихии порождал во мне неопишуемые чув-

ства, и вновь я сравнивал себя с тем несчастным на страшной фреске, растерзанным в клочья неведомой расой, ведь в демоническом шквале, что терзал мое тело, словно когтями, я ощущал мстительный гнев, порожденный его бесплодными усилиями. Остатки рассудка покидали меня – я яростно кричал, и крик этот тонул в завываниях призраков бури. Я пытался ползти, противиться убийственному течению, но безрезультатно – медленно и неотвратно я соскальзывал навстречу неизвестному. И вот уже разум мой сдался, и я, простершись ниц, вновь и вновь повторял загадочные строки безумца Альхазреда, кому город без имени являлся в кошмарах:

Не мертво то, что в вечности покой
Сумело обрести, со сменой эпох поправши
саму смерть.

Одним лишь неумолимым, зловещим богам пустыни ведомо, что на самом деле случилось тогда, в минуты моей неопишуемой борьбы во тьме, какая преисподняя исторгла меня назад, в мир живых, где я никогда не смогу забыть, дрожа на ночном ветру, пока не уйду в забвение, или меня не поглотит нечто более ужасное. Чудовищным, невозможным, невероятным было то, что я видел, – неподвластным человеческому рассудку, разве лишь в самые черные, предрассветные часы бессонных ночей.

Я упомянул, что сила ветра была поистине адской, демонической, и в его отвратительном вое слышалась вся нескрываемая злоба времен, что канули в небытие. Этот хаотический сонм голосов в бесформенном потоке, бурлившем передо мной, мой пульсирующий мозг превращал в членораздельную речь, что звучала уже за моей спиной, и в той неизмеримо глубокой могиле, где бессчетные века покоились эти реликты, вне мира живых, где занималась заря, я услышал ужасные проклятия и нечеловеческий рык тварей. Обернувшись, над светящейся призрачной бездной я увидел силуэты, неразличимые во тьме туннеля – стремительный поток кошмарных, дьявольских тварей во всеоружии, чьи морды искажала ненависть, бесплотных демонов, что могли принадлежать лишь к одной расе – рептилий безымянного города.

Когда утихла буря, меня швырнуло навстречу омерзительной тьме земного чрева – за последней из тварей с лязгом затворилась великая дверь из бронзы, и оглушительный грохот металла возносился все выше, приветствуя взошедшее солнце, словно колоссы Мемнона на нильских берегах.

1921

Гипнос

Что касается сна, этого мрачного и своенравного властителя наших ночей, то безрассудство, с каким люди предаются ему еженощно, нельзя объяснить ничем иным, кроме как неведением относительно поджидающей их опасности.

Бодлер

Да хранят меня всемилолюбивые боги – если только они существуют – в те часы, когда ни усилие воли, ни придуманные людьми хитроумные снадобья не могут уберечь меня от погружения в бездну сна. Смерть милосерднее, ибо она уводит в края, откуда нет возврата; но для тех, кому довелось вернуться из мрачных глубин сна и сохранить в памяти все там увиденное, никогда уже не будет покоя. Я поступил как последний глупец в своем неистовом стремлении постичь тайны, не предназначенные для людей; глупцом – или богом – был мой единственный друг, указавший мне этот путь и вступивший на него раньше меня, чтобы в финале пасть жертвой ужасов, которые, возможно, предстоит испытать и мне.

Я помню, как впервые встретил его на перроне вокзала в окружении толпы зевак. Он лежал без сознания, скованный судорогой, из-за чего его некрупная худощавая фигура, облаченная в темный костюм, казалась окаменевшей. На вид ему можно было дать лет сорок, судя по глубоким складкам на изможденном, но притом безукоризненно овальном и красивом лице, а также по седым прядям в коротко подстриженной бороде и густых волнистых волосах, от природы черных как смоль. Его лоб идеальных пропорций цветом и чистотой был подобен пентелийскому мрамору.

Наметанным глазом скульптора я тотчас углядел в этом человеке сходство со статуей какого-нибудь античного бога, извлеченной из-под руин эллинского храма и чудесным образом оживленной только ради того, чтобы в наш тусклый безыскусный век мы могли с трепетом ощутить величие и силу всесокрушающего времени. А когда он раскрыл свои огромные, черные, лихорадочно горящие глаза, я вдруг отчетливо понял, что в этом человеке обрету своего первого и единственного друга, ибо прежде у меня никогда не было друзей. Именно такие глаза должны были видеть все величие и весь ужас иных миров за пределами обычного сознания и реальности – миров, о которых я мог лишь грезить безо всякой надежды лицезреть их воочию. Я разогнал зевак и пригласил незнакомца к себе домой, выразив надежду, что он станет моим учителем и проводником в сфере загадочного и необъяснимого.

Он слегка кивнул в знак согласия, не произнеся ни слова. Как выяснилось позднее, он обладал на редкость звучным и красивым голосом, в котором гармонично сочетались густое пение виол и нежный звон хрусталя. Много ночей и дней мы провели в беседах, пока я высекал из камня его бюсты или вырезал из слоновой кости миниатюры, стремясь запечатлеть в них различные выражения его лица.

Я не в состоянии описать то, чем мы занимались, поскольку эти занятия имели слишком мало общего с обыденной жизнью. Объектом нашего изучения была неизмеримая и устрашающая вселенная, лежащая вне познаваемых материй, времен и пространств, – вселенная, о существовании которой мы можем лишь догадываться по тем редким, особенным снам, которые никогда не посещают заурядных людей и лишь пару раз в жизни могут привидеться людям с богатым и ярким воображением. Мир нашего повседневного существования соотносится с этой вселенной, как соотносится мыльный пузырь с трубочкой, из которой его выдувает клоун, всегда могущий по своей прихоти втянуть пузырь обратно. Ученые мужи могут иметь кое-какие догадки на сей счет, но, как правило, они избегают об этом думать. Мудрецы пытались толковать такие сны, что вызывало лишь смех у бессмертных богов. А смертные в свою оче-

редь насмеялись над одним человеком с восточными глазами, утверждавшим, что время и пространство суть вещи относительные. Впрочем, и этот человек не был уверен в своих словах, а только высказал предположение. Я же мечтал зайти дальше простых догадок и предположений, к чему также стремился мой друг, преуспев лишь отчасти. А теперь мы объединили наши усилия и с помощью разных экзотических снадобий открыли для себя манящий и запретный мир сновидений, которые посещали нас в мастерской на верхнем этаже башни моего старинного особняка в графстве Кент.

Всякий раз пробуждение было мучительным, но самой мучительной из пыток оказалась неспособность выразить словами то, что я узнал и увидел, странствуя в мире снов, поскольку ни один язык не обладает подходящим для этого набором понятий и символов. Все наши сновидческие открытия относились к сфере особого рода ощущений, абсолютно несовместимых с нервной системой и органами восприятия человека, а пространственно-временные элементы этих ощущений попросту не имели конкретного, четко определяемого содержания. Человеческая речь в лучшем случае способна передать лишь общий характер того, что с нами происходило, назвав это погружением или полетом, ибо какая-то часть нашего сознания отрывалась от всего реального и сиюминутного, воспаряя над ужасными темными безднами и преодолевая незримые, но воспринимаемые преграды – нечто вроде густых вязких облаков. Эти бестелесные полеты сквозь тьму совершались нами иногда поодиночке, а иногда совместно. В последних случаях мой друг неизменно опережал меня, и я догадывался о его присутствии только по возникающим в памяти образам, когда мне вдруг являлось его лицо в ореоле странного золотого сияния: пугающе прекрасное и юношески свежее, с лучистыми глазами и высоким олимпийским лбом, оттененное черными волосами и бородой без признаков седины.

Мы в ту пору совсем не следили за временем, которое представлялось нам просто иллюзией, и далеко не сразу отметили одну особенность, так или иначе с этим связанную, а именно: мы перестали стареть. Амбиции наши были воистину чудовищны и нечестивы – ни боги, ни демоны не решились бы на открытия и завоевания, которые мы планировали. Меня пробирает дрожь при одном лишь воспоминании об этом, и я не рискну передать в деталях суть наших тогдашних планов. Скажу лишь, что однажды мой друг написал на листе бумаги желание, которое он не отважился произнести вслух, а я по прочтении написанного немедленно сжег этот листок и опасливо оглянулся на звездное небо за окном. Я могу позволить себе лишь намек: его замысел предполагал ни много ни мало установление власти над всей видимой частью вселенной и за ее пределами, возможность управлять движением планет и звезд, а также судьбами всех живых существ. Лично я, могу поклясться, не разделял этих его устремлений, а если мой друг в каком-либо разговоре или письме утверждал обратное, это неправда. Мне никогда не хватило бы сил и смелости, чтобы затеять настоящую битву в таинственных сферах, а без такой битвы нельзя было рассчитывать на конечный успех.

В одну из ночей ветры неведомых пространств унесли нас в бескрайнюю пустоту за пределами бытия и мысли. Нас переполняли самые фантастические, непередаваемые ощущения, тогда вызывавшие эйфорию, а ныне почти изгладившиеся из моей памяти; да и те воспоминания, что сохранились, я все равно не смогу передать словами. Мы преодолели множество вязких преград и наконец достигли самых удаленных областей, до той поры нам недоступных. Мой друг, по своему обыкновению, вырвался далеко вперед, и, когда мы неслись сквозь жуткий океан первозданного эфира, в моей памяти возникло его слишком юное лицо, на сей раз искаженное гримасой какого-то зловещего ликования. Внезапно этот образ потускнел и исчез, а еще через миг я наткнулся на непреодолимое препятствие. Оно напоминало те, что попадались нам прежде, но было гораздо плотнее – какая-то липкая тягучая масса, если только подобные определения применимы к нематериальным объектам.

Итак, я был остановлен барьером, который мой друг и наставник успешно преодолел. Я хотел было предпринять новую попытку, но тут закончилось действие наркотика, и я открыл

глаза у себя в мастерской. В углу напротив лежал мой друг, мраморно-бледный и бесчувственный; его осунувшееся лицо показалось мне особенно прекрасным в золотисто-зеленом свете луны. Спустя недолгое время тело в углу шевельнулось – и не дай мне бог еще раз когда-нибудь услышать и увидеть то, что за этим последовало! Мне не под силу описать его истошный вопль и адские видения, отразившиеся в его глазах. Я лишился чувств и пришел в себя оттого, что мой друг отчаянно тряс меня за плечо, боясь остаться наедине со своими кошмарами.

На том и закончились наши добровольные странствия в мире снов. Глубоко потрясенный и чуть не до смерти напуганный, мой друг, побывавший за последней чертой, предостерег меня от новых подобных попыток. Он так и не решился рассказать мне, что он там видел, но, основываясь на своем страшном опыте, настоял, чтобы мы впредь как можно меньше спали, даже если ради этого придется использовать сильнодействующие стимуляторы. Вскоре я убедился в его правоте: стоило мне задремать, как меня охватывал невыразимый ужас. И всякий раз после краткого вынужденного сна я ощущал себя разбитым и постаревшим; что же касается моего друга, то его процесс старения шел с потрясающей быстротой. Тяжко было наблюдать, как у него ежедневно появляются все новые морщины и седые волосы. Наш образ жизни теперь совершенно переменялся. Прежде бывший затворником, мой друг – кстати, так ни разу и не обмолвившийся о своем настоящем имени и происхождении – теперь панически боялся одиночества. По ночам он не мог оставаться один, да и компании из нескольких человек ему было недостаточно, чтобы чувствовать себя более-менее спокойно. Единственным его утешением стали шумные многолюдные сборища и буйные пирушки, так что мы сделались завсегдатаями мест, где обычно гуляла веселая молодежь. В большинстве случаев наши внешность и возраст вызывали насмешки, больно меня задевавшие, но мой спутник считал их меньшим злом по сравнению с одиночеством. Более всего он страшился остаться один среди ночи под звездным небом, а если ему все же случалось ночной порой очутиться вне дома, то и дело загравленно взглядывал вверх, словно ожидая нападения оттуда каких-то чудовищ. При этом я заметил, что в разные времена года его внимание приковывают разные точки на небосводе. Весенними вечерами такая точка находилась низко над северо-восточным горизонтом, летом он высматривал ее почти прямо над головой, осенью – на северо-западе, а зимой – на востоке, правда, лишь ранним утром. Вечера в середине зимы были для него самым спокойным периодом. Прошло два года, прежде чем я догадался связать его страх с конкретным объектом и стал искать на небосводе точку, чья позиция менялась бы на протяжении года в соответствии с направлением его взглядов, – и таковая обнаружилась в районе созвездия Северная Корона.

К тому времени мы уже перебрались в Лондон, где снимали комнату под мастерскую и были по-прежнему неразлучны, но избегали говорить о тех днях, когда мы пытались разгадать тайны миров, находящихся за пределами нашей реальности. Мы оба сильно постарели и подорвали свое здоровье в результате злоупотребления наркотиками, беспорядочного образа жизни и нервного истощения; редущие волосы и борода моего друга сделались снежно-белыми. Мы приучили себя не спать более одного-двух часов подряд, дабы не оставаться надолго во власти забвения, представлявшего для нас смертельную угрозу.

И вот наступил туманный и дождливый январь, когда наши сбережения подошли к концу и не на что было купить стимулирующие препараты. Я давно уже распродал все свои мраморные бюсты и миниатюры из слоновой кости, а для изготовления новых у меня не было исходных материалов – как, впрочем, не было и сил работать, даже имейся у меня материал. Мы оба ужасно страдали, а однажды ночью мой друг прилег на кушетку и, не выдержав, забылся сном, настолько тяжелым и глубоким, что мне никак не удавалось его пробудить. Я отчетливо помню эту сцену: запущенная мрачная комната под самой крышей, по которой беспрестанно барабанит дождь; тикают единственные настенные часы, что сопровождается неслышимым, но воображаемым тиканьем наших наручных часов, лежащих на туалетном столике; поскрипывает незакрытый ставень на одном из нижних этажей; смутно слышатся звуки города, приглу-

шенные туманом и расстоянием; и самое жуткое среди всего этого – глубокое мерное дыхание моего друга, как будто отсчитывающее секунды агонии его духа, унесенного в далекие запретные сферы.

Мое напряженное бдение становилось все более гнетущим; череда мимолетных впечатлений и ассоциаций стремительно проносилась в моем расстроеном воображении. Откуда-то донесся бой часов – не наших настенных, поскольку они были без боя, – и это дало новое направление моим мрачным фантазиям: часы – время – пространство – бесконечность... Тут я вернулся к реальности, вдруг очень явственно представив себе, как где-то за скатом крыши, за дождем и туманом над северо-восточным горизонтом именно сейчас восходит Северная Корона. Это сияющее звездное полукольцо, наводившее такой ужас на моего друга, пусть сейчас и незримое, тянуло к нам свои лучи через космическую бездну. Внезапно мой обострившийся слух уловил новый звук в уже привычной какофонии шумов – это был низкий несмолкающий вой, жалобный, издевательский и зовущий одновременно, и доносился он издалека, с северо-востока.

Но не этот отдаленный вой приковал меня к месту и оставил в моей душе печать страха, от которой мне не избавиться вовеки; не он стал причиной моих последующих воплей и конвульсий, которые побудили соседей вызвать полицию и взломать дверь мастерской. Дело было не в том, что я услышал, а в том, что увидел: в темной комнате с запертой дверью и плотно зашторенным окном вдруг из северо-восточного угла вырвался зловещий золотисто-красный луч, который не рассеивал окружающую тьму, а только высветил откинутую на подушку голову спящего. И в этом свете я увидел то же самое юное лицо, какое являлось мне во время сновидческих полетов сквозь пространство и время, когда мой друг раньше меня преодолевал все преграды, пока не проник за последний барьер, в самое средоточие ночных кошмаров.

Между тем голова его приподнялась с подушки, глубоко запавшие черные глаза раскрылись в ужасе, а тонкие бескровные губы искривились словно в попытке издать крик, который, однако, так и не прозвучал. И в этом мертвенно-бледном, высвеченном из тьмы и застывшем как маска лице отразился предельный, абсолютный ужас, какой только может существовать во вселенной. Мы оба не издали ни звука, а между тем далекий вой все нарастал. Когда же я проследил за направлением его взгляда и на мгновение увидел источник зловещего луча, этого мгновения оказалось достаточно: я тотчас издал пронзительный вопль и забился в припадке, как эпилептик, переполошив соседей и побудив их вызвать полицию. При всем желании я не смог бы описать, что именно мне довелось увидеть в тот момент; а что бы ни увидел мой бедный друг, он уже никогда не расскажет. Мне же впредь не остается ничего иного, как по возможности дольше не поддаваться властителю снов – коварному и ненасытному Гипносу, а также губительным силам звездного неба и безумным амбициям познания и философии.

До сих пор подробности этой истории являются загадкой не только для меня, но и для всех окружающих, поголовно ставших жертвами непонятной забывчивости, если только не группового помешательства. С какой-то стати они в один голос утверждают, что у меня никогда не было никакого друга и что вся моя злосчастная жизнь была без остатка заполнена искусством, философией и безумными фантазиями. В ту ночь соседи и полицейские попытались меня утихомирить, а затем вызвали врача, давшего мне успокоительное, но при этом все они дружно проигнорировали иные последствия разыгравшейся там трагедии. Их, в частности, нисколько не озаботила участь моего несчастного друга; совсем напротив – то, что они обнаружили на кушетке, вызвало с их стороны бурю восторгов и похвал в мой адрес, отчего меня едва не стошнило. За восторгами последовала и громкая слава, ныне с презрением отвергаемая мной: лысым седобородым стариком, жалким, разбитым, усохшим и вечно одурманенным наркотиками, – когда я часами сижу, любуясь и вознося молитвы предмету, найденному тогда в мастерской.

Ибо они утверждают, что я не продал самое последнее из своих творений, и без устали восторгаются им – холодным, окаменевшим и навсегда умолкшим после прикосновения запретного света. Это все, что осталось от моего друга и наставника, приведшего меня к безумию и катастрофе, – божественный мраморный образ, достойный резца лучших мастеров древней Эллады; неподвластное времени прекраснейшее юное лицо в обрамлении бородки, с приоткрытыми в улыбке губами, высоким чистым лбом и густыми вьющимися кудрями, покрытыми венком из полевых маков. Говорят, это я изваял по памяти самого себя, каким я был в двадцать пять лет, однако на мраморном основании бюста начертано лишь одно имя – ГИПНОС.

1922

Праздник

*Efficiat Daemones, ut quae non sunt, sic tamen quasi sint, conspicienda
hominibus exhibeant.
Laclanlius*

Я оказался далеко от дома, на восточном побережье, и море меня зачаровало. В сумерках слышно было, как оно тяжело бьется о камни, и я знал, что оно скрыто от меня всего лишь одной горой, на которой причудливо извивались и корчились ивы на фоне проясняющегося неба с первыми вечерними звездами. Повинуясь воле моих предков, призвавших меня в расположенный у подножия горы старый город, я шел по одинокой, убранной первым снежком дороге туда, где Альдебаран сверкал между деревьями над самым древним городом, которого я еще ни разу не видел, но о котором часто мечтал.

Был канун праздника Юлтайд, и, хотя теперь его называют Рождеством, все в глубине души знают, что он старше Вифлеема и Вавилона, старше Мемфиса и вообще человечества. Приближался Юлтайд, и я наконец-то приехал в старый приморский город, в котором мои предки жили и праздновали запрещенный праздник, наказав своим сыновьям праздновать его раз в сто лет, чтобы не угасла память об их тайных знаниях. История моей семьи началась давно, гораздо раньше, чем те триста лет, когда была заселена здешняя земля. Да и странными были мои предки. Диковатые и малоразговорчивые, они явились из тихих южных садов, в которых росли орхидеи, и говорили на другом языке, прежде чем выучились языку голубоглазых рыбаков. Теперь мои родичи рассеяны, и их объединяют лишь таинственные обряды, которых они не понимают. Я единственный, исполняя завет, приехал в тот вечер в старый рыбацкий город, ибо помнят только бедные и одинокие.

В наступивших сумерках я увидел раскинувшийся у подножия горы зимний Кингспорт – заснеженный город с древними флюгерами и шпилями, с островерхими крышами и колпаками дымовых труб, с пристанями и мостами, с ивовыми деревьями и кладбищами, с нескончаемым лабиринтом крутых узких улочек и увенчанной церковью головокружительной горой посередине, на которую время не посмело посягнуть, с бесчисленными стоящими на разных уровнях и под разными углами, словно разбросанные детские кубики, домами в колониальном стиле. Над посеребренными зимой двускатными крышами парила на седых крыльях древность. Окошки над дверьми и небольшие окна на фасадах домов высвечивали в морозных сумерках цепочку до Ориона и других таких же истари известных звезд. А там, где гнили пристани, тяжело билось о камни море, невидимое и вечное море, из которого в незапамятные времена вышли люди.

Возле дороги, где она круто шла вверх, неожиданно выросла куда более высокая гора – совершенно голая и даже не припорошенная снегом, и я увидел кладбище с черными надгробиями, вылезавшими, как привидения, из белого покрывала и похожими на гниющие ногти гигантского трупа. На дороге я не заметил никаких следов и не встретил ни одного человека, но иногда мне казалось, будто я слышу в порывах ветра далекий скрип виселицы. В 1692 году здесь казнили за колдовство четверых моих предков, но я не знаю, где именно.

Когда дорога вывела меня на склон горы, смотрящий на море, я ожидал услышать веселый вечерний гомон, но кругом царило безмолвие. Я подумал, что у здешних пуритан могут быть собственные рождественские обычаи и не исключено, что они теперь погружены в тихие молитвы. Итак, не слыша никаких доказательств предрождественского веселья и не видя ни одного человека, я продолжал путь мимо домов, из которых не доносилось ни звука, но в которых горел свет, мимо кирпичных оград, туда, где на безлюдных и немощных улицах, скудно

освещенных занавешенными окнами, поскрипывали на соленом морском ветру вывески старинных лавок и кабаков и поблескивали смешные дверные молотки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.